

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1903.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

ВИТАЛІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ТРОЦКІЙ.

Виталій Николаевичъ Троцкій.

(Біографическій очеркъ).

евятаго мая 1901 года скончался въ Вильнѣ командующій войсками Виленскаго военнаго округа и генераль-губернаторъ Сѣверо-Западнаго края, генераль-адъютантъ Виталій Николаевичъ Троцкій.

По характеру, по дѣйствіямъ, по выработанной и при-мѣненной къ Сѣверо-Западному краю системѣ управленія, онъ заслуживаетъ большаго вниманія, чѣмъ обыкновенно удѣляется печатю дѣтелямъ провинціальной администраціи.

Разумѣется, кругъ дѣятельности провинціальнаго администратора менѣе обширенъ, не такъ увлекателенъ, какъ лицъ, занимающихъ мѣста въ центрѣ, такъ какъ преслѣдуемые ими интересы строго областного характера, и поэтому нѣтъ достаточныхъ основаній, чтобы выдвинуться, особенно когда такіа лица дѣйствуютъ въ спокойное, тихое время, когда самая работа носить свой мало замѣтный характеръ. Не такова, однако, дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Надо знать немного краѣ, чтобы убѣдиться въ особенностяхъ его строя и оцѣнить сопряженные съ его управленіемъ трудности. При подобныхъ условіяхъ работа такихъ дѣятелей, какъ Виталій Николаевичъ Троцкій, говоритъ за себя; онъ только вошелъ въ дѣло и сталъ шире ставить и разрабатывать вопросы, какъ смерть пресѣкла дѣятельность этого выдающагося представителя русской администраціи.

Сѣверо-Западный край въ силу историческихъ и этнографическихъ условій представляетъ много особенностей, рѣзко его выдѣляющихъ отъ другихъ частей Россіи. И до сихъ поръ въ этомъ краѣ не забыли

прошлаго: его наминають названія, костелы, рѣзко-выдѣляюціеся архитектурною формою, одежда и весь бытовый складъ жизни населенія. Этнографическій характеръ населенія пестрый, и среди него рускіе не успѣли пріобрѣсти экономическаго и культурнаго преобладанія, и на этой окраинѣ въ настоящее время ведутъ борьбу за самостоятельность рускіе, поляки, литовцы, нѣмцы, евреи.

Каждая изъ этихъ національностей стремится усилиться на счетъ другихъ, и со стороны лицъ, стоящихъ во главѣ управленія, помимо другихъ качествъ, требуется много такта, знанія, чтобы, не раздражая пустыми и безцѣльными мѣрами, сумѣть объединить всѣ національности на почвѣ одного преобладающаго интереса. Здѣсь борьба идетъ и будетъ длиться долго. Вопросъ идетъ не о поработаніи одной національности другою, а о созданіи общаго благополучія и объединенія не только на политической, но и на культурно-экономической почвѣ, могущей сильнѣе сплотить сознаніемъ общности интересовъ разнорѣзное и разноплеменное населеніе края.

Вся, почти полулѣтняя, служба Виталія Николаевича (13-го августа 1901 г. исполнилось 48 лѣтъ службы) протекла на окраинахъ: въ Туркестанскомъ краѣ, гдѣ онъ достигъ положенія военнаго губернатора и командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области, на Кавказѣ въ качествѣ начальника окружнаго штаба и, наконецъ, завершилась въ Сѣверо-Западномъ краѣ. На этихъ окраинахъ и выработался глубоко симпатичный типъ русскаго администратора, спокойнаго, доброжелательнаго, гуманнаго ко всѣмъ безъ различія національностямъ и, что особенно важно, русскаго человѣка ¹⁾.

Послѣднее свойство кладезь рѣзкій отпечатокъ на всю его дѣятельность въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Будучи человѣченъ, благожелателенъ ко всѣмъ ²⁾, Виталій Николаевичъ компромиссовъ не допускалъ и твердо,

¹⁾ Окраины бѣдны русскими людьми, и поэтому тамъ въ борьбѣ за національное преобладаніе несравненно сильнѣе развивается національное чувство, что, между прочимъ, сказывается даже въ такихъ мелочахъ, какъ пожертвованія на русское дѣло. На окраинѣ русскій человѣкъ гораздо отзывчивѣе, чѣмъ въ центральныхъ губерніяхъ, гдѣ совершенно не чувствуется гнетъ инородца.

²⁾ Происходили и курьезы. Къ Виталію Николаевичу обратился старикъ-еврей, знавшій его болѣе сорока лѣтъ назадъ, когда онъ стоялъ въ Гродненской губерніи съ полкомъ, съ просьбою походатайствовать о пріемѣ его единственнаго внука въ одно изъ высшихъ учебныхъ заведеній. Виталій Николаевичъ направилъ его ко мнѣ. Ввалился въ кабинетъ еврей съ воплями. Разспросивъ въ чемъ дѣло и сдѣлавъ необходимыя справки, я сказалъ еврею, что разъ генералъ-губернаторъ выразилъ желаніе помочь ему, то все будетъ сдѣлаво.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріема внука въ одно изъ высшихъ

не уклоняясь, велѣ линію, что именно въ этомъ краѣ необходимо. По сознанію самихъ поляковъ, ничто для нихъ такъ не гибельно, какъ отсутствіе опредѣленности и твердости лицъ, стоящихъ во главѣ управленія.

Виталій Николаевичъ родился 19-го декабря 1835 г. въ принадлежащемъ его отцу хуторѣ близъ села Волосковцы, Сосницкаго уѣзда, Черниговской губерніи, гдѣ дѣды и прадѣды его, въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ, владѣли землею и одинъ изъ его предковъ былъ полковникомъ Запорожскаго войска въ 1710 г. «Я казакъ», впослѣдствіи не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ.

Отецъ его участвовалъ въ отечественной войнѣ и, тяжело раненный къ сраженіи подъ Дрезденомъ, выйдя въ отставку, поселился на родномъ хуторѣ. Тамъ же впослѣдствіи и женился. Въ степяхъ благодатнаго юга родился Виталій Николаевичъ. Южная, степная, ровная природа, съ ея прозрачнымъ воздухомъ и ароматомъ степей, оказывала на него большое вліяніе, и Виталій Николаевичъ на всю свою жизнь сохранилъ любовь къ хутору; смотрѣлъ на него, какъ на святыню, и, при малѣйшей возможности, наѣзжалъ туда или же отсылалъ семью изъ Туркестана, Кавказа... Не разъ мнѣ приходилось слышать отъ него, что ему достаточно пробыть два-три дня на хуторѣ, и всякое нездоровье исчезнетъ. Сюда манила природа и простота малороссійской жизни. Я живо припоминаю, съ какимъ умиленіемъ онъ передавалъ мнѣ о простотѣ жизни хуторянина.

— По смерти моего отца, рассказывалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, разбирая оставленные имъ бумаги, нашелъ его дневникъ, гдѣ значилось слѣдующее: «сегодня сынъ мой Виталій, генераль-маіоръ свиты его величества, кавалеръ ордена Св. Георгія 3-й степени и начальникъ штаба, увидавъ свиней въ саду, схватилъ колъ, побѣждалъ за ними и выгналъ ихъ вонъ». Старикъ, ветеранъ отечественной войны, видимо, былъ очень пораженъ, что такой важный человѣкъ, какъ его сынъ, не постѣснился самъ схватить колъ и выгнать свиней изъ сада.

На девятомъ году маленькаго Троцкаго отдали въ первый Московскій кадетскій корпусъ, откуда вышло не мало видныхъ дѣятелей нашего времени. Здѣсь Виталій Николаевичъ пробылъ до полученія офицерскаго чина, почти никуда не выходя, и здѣсь-то, въ обстановкѣ корпуса, онъ усвоилъ товарищескій духъ. При условіяхъ воспитанія того

учебныхъ заведеній, старикъ-еврей приходитъ ко мнѣ въ канцелярію благодарить и, понизивъ голосъ, спрашиваетъ, не можетъ ли онъ быть и мнѣ полезнымъ, не имѣю ли я какой просьбы къ нему. И даже большую, отвѣтилъ я. Видимо старика это заинтересовало и, придвинувшись ближе, онъ вопросительно и пылливо сталъ на меня смотрѣть.

— Прошу и васъ относиться къ моимъ единовѣрцамъ такъ же благожелательно, какъ и мы къ вамъ; больше просить мнѣ васъ не о чемъ. Послѣ этого неожиданнаго отвѣта еврей такъ и огорчался.

*

времени, родители не баловали своихъ дѣтей письмами; родители Троцкого въ этомъ отношеніи исключенія не составляли и, видимо, далеко не всегда сообщали ему новости домашней жизни.

— Какая рѣзкая разница въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и въ системѣ воспитанія, въ мое время и теперь,—не разъ говорилъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Въ присылаемыхъ письмахъ разъ, два въ годъ мнѣ не сообщали, что дѣлается дома, между тѣмъ какъ-то отецъ приписалъ въ письмѣ: ты все идешь поцѣлуй сестрѣ, а она умерла два года тому назадъ.

Въ корпусѣ Виталій Николаевичъ учился хорошо, но, по окончаніи курса, за молодостью былъ оставленъ еще на годъ въ томъ же классѣ.

«Тяжело было отстать отъ товарищей», передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ. Директоръ корпуса, почтенный В. П. Желтухинъ, принялъ во мнѣ горячее участіе и просилъ начальника штаба военно-учебныхъ заведеній генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева посодѣйствовать моему выпуску въ офицеры. По пріѣздѣ въ Петербургъ, я былъ представленъ Я. И. Ростовцеву, а за тѣмъ начальнику военно-учебныхъ заведеній, государю наслѣднику цесаревичу, впоследствии императору Александру II, и онъ, посмотрѣвъ на меня, сказалъ: «Да какой же онъ офицеръ, это совсѣмъ мальчикъ».

Судьба Троцкого опредѣлилась, и онъ остался еще на годъ въ корпусѣ.

Московский кадетскій корпусъ, какъ и всѣ вообще учебныя заведенія Москвы, оставилъ пріятныя воспоминанія въ бывшемъ питомцѣ. Что же касается до товарищей, Виталій Николаевичъ до конца жизни сохранилъ дружескія, теплыя отношенія съ большинствомъ своихъ однокашниковъ, неизмѣнно пользуясь ихъ расположеніемъ и уваженіемъ. Онъ сохранилъ благоговѣйное уваженіе и къ памяти бывшего директора корпуса В.П. Желтухина, вдову котораго, недавно скончавшуюся ветхую старушку, считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ посѣщать каждый пріѣздъ въ Петербургъ. Вообще Виталій Николаевичъ помнилъ хорошо всѣхъ, кто ему оказалъ какое-нибудь вниманіе, и старался въ свою очередь отплатить, помогая имъ или ихъ дѣтямъ, внукамъ и т. д. Разъ, дѣло касалось необходимости оказать кому-либо добро, онъ не смотрѣлъ на національность, старался сдѣлать все, что только могъ.

По успѣхамъ ¹⁾ молодой Троцкій, по выходѣ изъ корпуса, могъ получить назначеніе въ гвардію, но, за неимѣніемъ вакансій, былъ на-

¹⁾ Изъ письма извѣстнаго туркестанскаго генералъ-губернатора К. П. Кауфмана къ Троцкому 1876 г. 23-го іюня: «отвыкъ писать по-нѣмецки, да и вы, я думаю, въ корпусѣ болѣе 3 баловъ не заслуживали изъ этого труднаго, хотя и хорошаго языка». В. Н. былъ въ корпусѣ фельдфебелемъ.

значенъ (13-го августа 1853 г.) поручикомъ въ Егерскій, нынѣ пѣхотный его императорскаго высочества великаго князя Махайдя Николаевича Казанскій полкъ, стоявшій въ то время въ Москвѣ.

Какъ передавалъ Виталій Николаевичъ, ему правилась стоянка въ Москвѣ, гдѣ онъ уже провелъ 8 лѣтъ въ корпусѣ; но вскорѣ открылись военныя дѣйствія въ Турціи, и 11-го января, при лютыхъ морозахъ, онъ выступилъ съ полкомъ въ походъ сначала въ Крымъ, а въ дорогѣ настигло распоряженіе полкъ направить въ Молдавію и Валахію къ Бендерамъ, а оттуда опять въ Крымъ. Повидимому, въ полку молодой поручикъ Троцкій вскорѣ счумѣлъ себя зарекомендовать съ хорошей стороны, такъ какъ на походѣ былъ назначенъ командующимъ ротой. Вскорѣ молодому Троцкому пришлось испытать не только походную жизнь, но и побывать въ огнѣ. Казанскій полкъ участвовалъ въ неудачномъ для насъ Альминскомъ сраженіи 8-го сентября 1854 г. Командиръ полка, баталіонные командиры и большинство офицеровъ были убиты или ранены

— Ваше благородіе!—сказалъ ему барабанщикъ, всѣ офицеры убиты, ранены; вы старшой.

— Ну, такъ стань за мной и барабанъ—соберемъ батальонъ, и такимъ образомъ восемнадцати-лѣтній Троцкій вывелъ изъ огня батальонъ, что доставило ему первую боевую награду.

Много лѣтъ прошло и въ 1900 г., при празднованіи двухсотлѣтняго юбилея Казанскаго полка, вспомнили объ этомъ боевомъ эпизодѣ В. Н. и государю императору было угодно зачислить Троцкаго въ Казанскій полкъ, о чемъ его величество лично сообщилъ офицерамъ, присутствовавшимъ въ Бѣлостокѣ, на вокзалѣ, при его проѣздѣ. Вниманіе государя страшно обрадовало стараго казанца, и онъ говорилъ объ этой милости съ величайшимъ умиленіемъ.

Казанскій полкъ послѣ Альминскаго сраженія оставался въ Крыму на Инкерманскихъ высотахъ и въ окрестностяхъ Севастополя до 8-го марта 1855 года, когда перешелъ въ Севастопольскій гарнизонъ. Какъ передавалъ В. Н., онъ вполне втянулся въ походную жизнь. Лишенное удобствъ пребываніе въ Крыму, соединенное съ постояннымъ ожиданіемъ призыва въ Севастополь, видимо, нисколько не тяготило молодого поручика; къ тому же счастье ему благопріятствовало, такъ какъ онъ, не смотря на участіе въ дѣлѣ, не былъ ни раненъ, ни контуженъ.

«Какъ-то, рассказывалъ онъ, сидѣлъ я въ банѣ на полкѣ; что это была за баня въ землянкѣ, можете себѣ представить—какъ появился ординарецъ командира полка и сообщилъ, что онъ меня требуетъ къ себѣ. Тогда командовалъ полкомъ полковникъ Гастфордъ, а я былъ полковымъ адъютантомъ. Я сейчасъ же направился къ нему, и онъ мнѣ передалъ содержаніе полученной изъ Петербурга бумаги, въ которой

сообщалось о моемъ переводѣ въ Л. Гв. Егерскій полкъ, и спросилъ меня, какъ я думаю поступить. Я отвѣчалъ, что теперь не такое время, чтобы военные могли уходить и я хочу остаться. Онъ вполне одобрилъ рѣшеніе и, съ своей стороны, высказалъ намѣреніе помочь мнѣ устроить это, прикомандировавъ къ полку. Но на другой день рано утромъ меня вновь потребовалъ къ себѣ и сказалъ: «изъ-за васъ, молодой человекъ, я не спалъ цѣлую ночь. Меня мучила мысль, что, содѣйствуя вамъ остаться въ полку, я, быть можетъ, буду причиной вашей смерти. Посмотрите, что дѣлается вокругъ. Уѣзжайте». Я сталъ было возражать, но полковникъ и слушать не хотѣлъ и настойчиво потребовалъ моего отъѣзда, что я сдѣлалъ въ мартѣ 1855 года».

По пріѣздѣ въ Петербургъ, молодому Троцкому не долго пришлось пользоваться удовольствіями столичной жизни: Л. Гв. Егерскій полкъ, въ составѣ офицеровъ котораго онъ находился, былъ придвинутъ къ границѣ и расположился сначала въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи, а затѣмъ передвинутъ въ Сувалкскую губернію.

Пребываніе въ ранней молодости въ Сѣверо-Западномъ краѣ, рѣзко отличающемся отъ остальной Россіи по этнографическому и религіозному составу населенія, въ составѣ котораго преобладаютъ поляки и литовцы, познакомило молодаго поручика съ бытовыми особенностями края, гдѣ впоследствии ему пришлось быть генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками. По заключеніи мира полкъ, въ 1856 г., двинулся въ Москву на коронацію. Такія путешествія не проходятъ безслѣдно для способныхъ людей: они знакомятъ ихъ съ бытовыми условіями жизни населенія, сближаютъ съ солдатами и развиваютъ пытливость и наблюдательность.

Въ этотъ періодъ своей жизни, молодой Троцкій поѣхалъ къ отцу на хуторъ, и эта поѣздка имѣла важныя послѣдствія. Его старшій братъ, тоже военный, указывая на пустоту жизни офицеровъ того времени, рекомендовалъ ему для расширенія образованія поступить въ Академію генеральнаго штаба, и молодой поручикъ покинулъ родныхъ съ твердымъ намѣреніемъ послѣдовать совѣту старшаго брата. «Направляясь въ Петербургъ, я, говорилъ В. Н., встрѣтилъ однополчанина и, разговаривая съ нимъ, узналъ, что и онъ ѣдетъ съ такою же мыслью, какъ и я—и это еще болѣе укрѣпило меня въ моемъ намѣреніи. И мы въ одинъ и тотъ же годъ поступили въ Академію». Здѣсь Троцкому пришлось познакомиться съ двумя молодыми полковниками, съ которыми онъ сохранилъ добрыя отношенія на всю жизнь и къ которымъ питалъ чувство уваженія,—Н. Н. Обручевымъ и М. И. Драгомировымъ.

Академію онъ окончилъ въ 1860 г., что совпало съ эпохою реформъ, рѣзко измѣнившихъ вѣками сложившійся строй.

Будучи по убѣжденіямъ націоналистомъ, онъ навсегда сохранилъ гуманность къ лицамъ низшихъ классовъ населенія, и эта черта сказыв-

валась въ его дѣйствіяхъ по управленію. Будучи строгимъ законникомъ и, въ необходимыхъ случаяхъ, сторонникомъ крутыхъ мѣръ, онъ въ то же время участливо относился къ крестьянамъ.

По окончаніи Академіи, ему пришлось нести службу офицера генеральнаго штаба, а съ 1863 по 1866 г. онъ былъ помощникомъ редактора «Русскаго Инвалида». «Русскій Инвалидъ» въ то время былъ газетою литературною и политическою, имѣвшею обширный кругъ читателей. Здѣсь помѣщали живыя, бойкія статьи, и Троцкому пришлось не мало писать ихъ по польскому вопросу, что облегчалось нѣкоторымъ знакомствомъ съ Западною окраиною. В. Н. съ удовольствіемъ вспоминаетъ о томъ времени, когда ему пришлось въ редакціи встрѣчаться съ многими молодыми литераторами. Трехлѣтняя работа въ редакціи также не прошла безслѣдно для развитія В. Н.: онъ втянулся въ литературные и политическіе интересы и на всю жизнь сохранилъ большое уваженіе къ наукѣ и знанію, на что вполнѣ указываетъ его, въ бытность генераль-губернаторомъ, настойчивая переписка съ министромъ народнаго просвѣщенія о необходимости развитія школъ и вообще культурныхъ условій въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ наиболѣе важныхъ факторовъ политическаго объединенія этой окраины съ внутренними губерніями. А какую борьбу пришлось выносить изъ-за школы съ католическими епископами, высказавшими готовность выйти на помощь школъ при одномъ условіи, если она будетъ передана имъ! О значеніи народной школы въ жизни крестьянства очень рельефно онъ высказалъ дворянству Ковенской губерніи на данномъ послѣ объѣзда Ковенской губерніи въ честь его объѣдѣ губернскимъ предводителемъ дворянства П. А. Столыпинымъ.

Посѣщая всѣ встрѣчавшіяся на пути школы, Виталій Николаевичъ не могъ не убѣдиться, какъ ихъ мало сравнительно съ потребностями населенія, и какъ мало сдѣлано нашею администраціею въ этомъ отношеніи именно въ той губерніи, гдѣ русской рѣчи почти не слышно и гдѣ русскіе едва-ли составляютъ 2% всего населенія. Между тѣмъ школа имѣетъ для литовцевъ практическое значеніе для прохожденія военной службы; знакомство дѣтей съ русскимъ языкомъ служить наилучшимъ проводникомъ русской культуры.

На-ряду съ этимъ Виталія Николаевича поразили и другой фактъ: отвѣты арестантовъ при посѣщеніи тюремъ. При опросахъ, за что сидятъ, нерѣдко приходилось слышать: убилъ отца, брата, и т. д. Въ извѣстной мѣрѣ смягчить нравы можетъ конечно школа, и В. Н., дѣлясь своими впечатлѣніями, вынесенными изъ двухъ-недѣльнаго объѣзда губерніи на лошадахъ, обратился къ присутствующимъ съ горячею рѣчью, прося придти на помощь просвѣщенію народа.

Въ 1866 г. произошла перемѣна въ служебной дѣятельности Виталія Николаевича. Онъ рѣшился покинуть Петербургъ и ѣхать въ Туркес-

станскій край, какъ кажется, по предложенію генерала Романовскаго. И теперь, послѣ многихъ лѣтъ водворенія въ Туркестанскомъ краѣ русской гражданственности, проведенія желѣзныхъ дорогъ и т. п., въ русскомъ обществѣ имѣется мало свѣдѣній объ этой, въ высшей степени, интересной окраинѣ, а въ то время почти ничего не имѣлось. Служившіе же въ краѣ рассказывали прямо нѣчто невѣроятное.

— Предполагая ѣхать въ Туркестанскій край, передавалъ Виталій Николаевичъ, я пошелъ къ одному полковнику генеральнаго штаба, ранѣе служившему въ краѣ, разспросить его объ условіяхъ тамошней жизни, и тотъ наговорилъ большихъ страховъ и между прочимъ указалъ на скорпіоновъ, фалангъ, ядовитыхъ змѣй, кишачиыхъ въ домахъ и т. п. Представьте же себѣ, смѣясь говорилъ мнѣ В. Н., за 17 лѣтъ жизни въ краѣ я, при частыхъ походахъ, поѣздкахъ по краю, только и видѣлъ двухъ скорпіоновъ—изъ нихъ подъ подушкою одного!

Невѣдомый край, тяжелыя, слишкомъ рѣзко отличающіяся отъ европейскихъ условія жизни, видимо, смущали В. Н., и онъ, не рѣшаясь ѣхать, пошелъ посовѣтываться къ Н. Н. Обручеву, а тотъ въ отвѣтъ перекрестилъ его, повернулъ лицомъ къ двери и сказалъ:—«Съ Богомъ».—Такого сердечнаго участія В. Н. не забылъ до послѣднихъ дней.

Нѣкоторые изъ петербургскихъ товарищей сожалѣли о Троцкомъ; но судьба была въ его пользу: именно здѣсь, въ Туркестанскомъ краѣ, Виталій Николаевичъ составилъ себѣ и боевое имя, окончательно сформировалъ свой характеръ и здѣсь же нашелъ свое семейное счастье...

Виталій Николаевичъ прибылъ въ Туркестанскій край въ тотъ періодъ, когда русскіе должны были, во избѣжаніе грабежей хивинцевъ, кокандцевъ и др., принять мѣры къ упроченію своего вліянія. Вся эта, раскинутая на огромномъ пространствѣ, окраина управлялась въ военномъ и гражданскомъ отношеніяхъ изъ Оренбурга, гдѣ находилось управленіе генераль-губернатора. До сихъ поръ эта окраина не получила достаточной оцѣнки, между тѣмъ несомнѣнно, что это одна изъ богатыхъ и наиболѣе интересныхъ частей Россіи съ совершенно своеобразнымъ населеніемъ, скорѣе и легче всего могущимъ подвергаться нашему вліянію. Незадолго до пріѣзда въ край В. Н. Троцкаго, М. Г. Черняевъ взялъ Ташкентъ. Поводомъ къ дальнѣйшимъ нашимъ завоеваніямъ было стремленіе обезпечить спокойное развитіе гражданскойности отъ набѣговъ хивинцевъ. По прибытіи къ мѣсту новаго служенія, Виталій Николаевичъ былъ назначенъ исполняющимъ должность начальника штаба въ Туркестанской (части Сырь-Дарьинской) области и вскорѣ принялъ участіе во взятіи штурмомъ Ура-Тюбе и Джизака.

Между тѣмъ, съ образованіемъ Туркестанскаго генераль-губернаторства въ 1867 г., былъ назначенъ генераль-губернаторомъ генераль-

адъютантъ К. П. Кауфманъ, не долго бывший послѣ М. Н. Мурарьева генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края.

Мѣстные служащіе предсказывали В. Н., что, съ прїѣздомъ новаго начальника послѣдній его выживетъ, поводомъ къ чему служила произведенная имъ ревизія дѣйствій одного изъ полковыхъ командировъ, имѣвшаго значительныя связи. Случилось совершенно обратное,—К. П. Кауфманъ, на первыхъ порахъ по прїѣздѣ, относившійся къ Троцкому съ предубѣжденіемъ и недоувѣрчиво, поручилъ ему сдѣлать работу о Туркестанскомъ краѣ и Виталій Николаевичъ, какъ уже успѣвшій ознакомиться съ краемъ, представилъ ее въ теченіе краткаго времени. Повидимому, представленная имъ работа въ значительной степени опредѣлила его отношеніе къ Кауфману, хорошо понимавшему, что безъ привлеченія способныхъ и честныхъ людей управлять краемъ нельзя.

Вскорѣ у В. Н. сложились наилучшія отношенія съ Кауфманомъ, и онъ быстро совершалъ свою служебную карьеру. Послѣдовательно онъ занималъ должность начальника областного штаба, а въ 1869 г. былъ назначенъ и. д. помощника командующаго войсками Сыръ-Дарьинской области. Вскорѣ, по распоряженію командующаго войсками, былъ назначенъ начальникомъ штаба экспедиціоннаго отряда въ Шехризъбскую экспедицію и участвовалъ въ штурмѣ и взятіи съ боя г. Китабы. Принималъ участіе и въ покореніи Кульджинскаго ханства.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ серьезно изучалъ край и принималъ дѣятельное участіе въ мѣстномъ отдѣленіи географическаго общества.

В. Н. работалъ быстро; прочитанное и изложенное усваивалъ скоро и вообще работалъ легко, и это осталось за нимъ до самаго послѣдняго дня его жизни и, что болѣе важно въ человѣкѣ, занимающемъ высокій постъ, онъ какъ бы не обращалъ вниманія на мелочи, а схватывалъ суть вопроса. Не могу при этомъ не остановить вниманія на высказываемомъ — въ нѣкоторыхъ кругахъ — мнѣніи весьма почтенными людьми, будто онъ былъ человѣкомъ лѣнивымъ. Не говоря уже о личныхъ впечатлѣніяхъ, основанныхъ на ежедневномъ служебномъ общеніи съ В. Н., вотъ что передавалъ мнѣ бывший его помощникъ, генераль-отъ-инфантеріи П. Т. Перликъ, занявшій послѣ него мѣсто начальника штаба Кавказскаго военнаго округа: «я принялъ штабъ послѣ В. Н. и дѣла нашель въ большемъ порядкѣ. В. Н. не только самъ работалъ, но—что самое главное въ начальникѣ—умѣлъ подбирать себѣ выдающихся сотрудниковъ и поэтому дѣла у него шли хорошо».

Въ 1872 г. Виталій Николаевичъ былъ командированъ въ Москву для редакціи сборника «Русскій Туркестанъ» и представленія государю императору военнаго отдѣленія на выставкѣ Туркестанскаго отдѣла. Въ то время это была крупная и интересная новость для русскихъ. Здѣсь на выставкѣ съ нимъ произошелъ такой эпизодъ: государь Алс-

ксандръ II, обозрѣвая выставку, напелъ, что манекенъ туркестанскаго солдата одѣтъ не по формѣ, и выразилъ неудовольствіе на незнаніе формъ. Выраженіе неудовольствія государемъ императоромъ подѣйствовало на В. Н. угнетающимъ образомъ. Присутствовавшій при этомъ наслѣдникъ цесаревичъ, впослѣдствіи императоръ Александръ III, такъ передавалъ мнѣ В. Н., что-то шепнулъ московскому генералъ-губернатору князю Долгорукову и затѣмъ, проходя мимо меня, крѣпко пожалъ мнѣ руку, а генералъ-губернаторъ, кн. В. А. Долгоруковъ, подошелъ и пригласилъ меня на бывшій у него вечеръ, гдѣ весь этотъ непріятный случай разъяснился.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ этого года (1872) В. Н. уже велъ на рекогносцировку отрядъ къ г. Токмаку; зима же прошла въ подготовительныхъ работахъ къ знаменитому хивинскому походу.

Въ этомъ походѣ В. Н. явился въ отвѣтственной роли начальника полевого штаба отряда, дѣйствовавшаго противъ Хивы, во главѣ котораго стоялъ генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ. Хивинскій походъ, по справедливому замѣчанію В. Н., представляетъ блестящую страницу въ исторіи русскихъ войскъ по тѣмъ трудностямъ, которыя были соединены съ нимъ; здѣсь приходилось бороться съ самымъ сильнымъ врагомъ—среднеазиатскою природою, безконечными песками и безводіемъ. Всѣранѣе предпринимавшіеся степные походы кончались неудачно, и, разумѣется, опытъ ихъ долженъ былъ послужить исходной точкой при обсужденіи и выработкѣ плана похода. Этому походу посвящено цѣлое сочиненіе, изданное подъ редакціей Виталія Николаевича. Впослѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что у насъ вообще мало знали о Хивинскомъ походѣ. Между тѣмъ когда кто-то изъ его знакомыхъ, въ бытность въ Берлинѣ, сдѣлалъ визитъ одному изъ принцевъ, то оказалось, что тамъ военные по картамъ слѣдили за всѣми движеніями нашего отряда. Въ виду неудачъ, постигнувшихъ ранѣе русскія войска, приходилось быть очень осторожнымъ, особенно въ снаряженіи и въ обезпеченіи отряда водою ¹⁾. Въ походѣ все шло гладко, хорошо, но потомъ произошелъ такой эпизодъ: при движеніи отряда къ Халата (переходъ 60—70 в.) не было воды и не предвидѣлось возможности удовлетворить потребности отряда, и такъ слагалось неудачно, что былъ моментъ, когда начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ К. П. Кауфманъ, опасаясь полной неудачи, былъ въ отчаяніи. Троцкій, какъ начальникъ штаба, предложилъ ему планъ, съ указаніемъ способовъ выйти изъ затрудненій, при чемъ указывалъ на необходимость высказать съ большою твердостью начальникамъ отдѣльныхъ частей о неуклонномъ выполненіи плана во всѣхъ подробностяхъ.

— Насъ—передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ—созвали на совѣтъ

¹⁾ Воды было немного, такъ что при перевалахъ у командующаго отрядомъ „былъ клубъ съ чаемъ“.

въ палатку среди голой, мертвой пустыни, гдѣ на единственномъ стулѣ сидѣлъ начальникъ отряда, командующій войсками. Онъ началъ было читать, но отъ волненія не могъ и поручилъ мнѣ, и я, тогда молодой, полный силы, высказалъ непремѣнную и твердую волю генераль-адъютанта Кауфмана, и дѣло было спасено. Даромъ для меня походъ не прошелъ, и о многихъ сторонахъ моей дѣятельности во время похода узнали въ Петербургѣ, разумеется, не отъ меня, и я за этотъ походъ былъ осыпанъ милостями.

По возвращеніи въ Россію К. П. Кауфмана очень торжественно встрѣчали, особенно же въ Москвѣ. Видимо, торговый классъ или, вѣрнѣе, «всероссійское купечество» счумѣло взвѣсить и оцѣнить будущность сдѣланныхъ приобрѣтеній въ Азіи. Въ 1873 г., предъ выступленіемъ въ походъ, В. Н. былъ назначенъ начальникомъ штаба Туркестанскаго округа и уже въ качествѣ такового получилъ знакъ отличія военнаго ордена св. великомученика и побѣдоносца Георгія 3-го класса, 26-го ноября 1875 года «въ воздаяніе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ свиты нашей генераль-маіоромъ генеральнаго штаба-начальникомъ штаба Туркестанскаго военнаго округа, Виталіемъ Троцкимъ при взятіи 1-го октября сего года нашими войсками, подъ личнымъ его предводительствомъ, города Андижана». Въ Кокандской экспедиціи 1875—76 года слабый отрядъ въ 1.400 человекъ взялъ штурмомъ подъ начальствомъ генерала Троцкаго г. Андижанъ, защищаемый 70 т. непріятелемъ, не считая 15 т. кара-киргизовъ, расположенныхъ внѣ города.

Продолжительное пребываніе въ Туркестанскомъ краѣ, видимо, стало тяготить Виталія Николаевича и побудило его ѣхать въ Петербургъ и искать другаго назначенія внѣ Туркестана. Въ это время у него были нелады съ К. П. Кауфманомъ. Дѣло дошло до того, что Виталій Николаевичъ рѣшилъ покинуть службу. Съ этою цѣлью въ 1876 г. Виталій Николаевичъ значительный періодъ времени провелъ въ Петербургѣ и былъ занятъ составленіемъ исторіи Хивинскаго похода. Повидимому, отношенія между командующимъ Туркестанскимъ округомъ и начальникомъ его штаба значительно измѣнились. Переписка между ними не носила оживленнаго характера, и на письмо Троцкаго отъ 23-го іюня 1876 г. послѣдовалъ отвѣтъ 14-го ноября, въ которомъ Кауфманъ совѣтовалъ придать описанію похода бѣольшую живость и занимательность; считалъ это даже необходимымъ.

Не смотря, однако, на натянутыя отношенія, К. П. дѣлился со своимъ начальникомъ штаба новостями края и въ одномъ изъ писемъ сообщаетъ ему свои впечатлѣнія о поѣздкѣ въ Фергану. Фергана произвела на него самое хорошее впечатлѣніе. «Михаилъ Дмитріевичъ (Скобелевъ)—пашетъ онъ—занимается серьезно своимъ дѣломъ; никакъ не во все, учится, трудится, но любитъ только одно военное дѣло.

Онъ любитъ страшно—онъ ничего больше не любитъ, какъ только военное дѣло».

«Скобелевъ сдѣлалъ молодецкую экспедицію въ Алайскія горы. Онъ обошелся безъ драки—это была военная прогулка»... «Войска славныя съ прекраснымъ духомъ».

«Еще забылъ сказать вамъ, что Скобелевъ высказалъ мнѣ желаніе быть начальникомъ штаба. Вы знаете, что это и моя была мысль, если обстоятельства такъ сложатся, что вамъ нельзя будетъ вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. Я не далъ ему положительнаго отвѣта, но сказалъ ему, что радъ буду такому начальнику штаба, какъ онъ, если В. Н. не возвратится.

«До свиданія. И Богъ знаетъ, когда увидимся».

Изъ этого письма ясно видно, что Троцкій рѣшилъ уйти и поставилъ объ этомъ въ извѣстность своего ближайшаго начальника. Но, видимо, это не такъ легко было сдѣлать.

Виталій Николаевичъ продолжалъ жить въ Петербургѣ, занимаясь описаніемъ Хивинскаго похода.

«На-дняхъ я получилъ телеграмму отъ военнаго министра,—писалъ ему К. П. Кауфманъ, что Скобелевъ по высочайшему повелѣнію долженъ ѣхать въ Петербургъ немедленно для отправленія въ дѣйствующую армію».

«Войны вѣдь не будетъ!»—прибавляетъ Кауфманъ ¹⁾.

Вскорѣ послѣ полученія этого письма, судьба Виталія Николаевича была рѣшена, но не такъ, какъ ему хотѣлось — ему пришлось вернуться въ Туркестанъ. Произошло все это, по словамъ Виталія Николаевича, такъ: его вызвалъ военный министръ Д. А. Милютинъ и предложилъ ѣхать въ Туркестанъ; видя нежеланіе В. Н., онъ прибавилъ: «Впрочемъ, вамъ будетъ дана аудіенція государемъ, и вы узнаете отъ него».

При представленіи государю Виталія Николаевича онъ сказалъ ему слѣдующее:

— Мнѣ Милютинъ передалъ, что ты не хочешь ѣхать въ Туркестанъ, но ты это долженъ сдѣлать. Я тебѣ приказываю. Такимъ образомъ Виталію Николаевичу вновь пришлось вернуться въ край, но уже военнымъ губернаторомъ и командующимъ войсками Сыръ-Дарьинской области. Этотъ послѣдній періодъ его жизни прошелъ исключительно въ работахъ административнаго характера, и Виталію Николаевичу приходилось совершать поѣздки верхомъ по тысячѣ верстъ въ Казанскъ и другія мѣста стоянки войскъ.

Въ періодъ службы и при постоянныхъ и близкихъ сношеніяхъ съ младшими офицерами и солдатами сложилось у Виталія Николаевича то доброжелательное сердечное отношеніе, которое онъ проявлялъ къ

¹⁾ Письмо Кауфмана отъ 6-го февраля 1877 г. изъ Ташкента.

нимъ и въ послѣдствіи. Не разъ онъ мнѣ рассказывалъ о тяжелыхъ условіяхъ жизни армейскаго офицера.

— Ёду я верхомъ въ Казалинскъ тысячу верстъ съ начальникомъ штаба и денщикомъ. Вдали виднѣется точка; подъѣзжаемъ—смотрю офицеръ съ молодою женою на верблюдѣ за 1.000 верстъ ѣдетъ на мѣсто стоянки. Надо испытать такой способъ передвиженія, чтобы понять тяжелую жизненную обстановку.

И основанная на знакомствѣ съ бытомъ и духомъ туркестанскимъ заботливость и участливость къ меньшимъ людямъ осталась у Виталія Николаевича до конца жизни. Такое же отношеніе проявлялъ къ нимъ и М. Д. Скобелевъ, признавая за Туркестаномъ хорошую боевую школу.

«Немного осталось въ строѣ туркестанцевъ, писалъ Скобелевъ В. Н. Троцкому ¹⁾ и, говоря вамъ это смѣло, не ударило лицомъ въ грязь.

«Когда мы прибыли въ Кишиневъ, на всѣхъ насъ смотрѣли какъ-то вопросительно. Теперь все измѣнилось: и выше, и въ массѣ начинаютъ интересоваться Туркестаномъ въ смыслѣ боевой школы для офицеровъ.

«Въ бою, на переправѣ масса убитыхъ солдатъ съ туркестанскими Георгіевскими крестами и хивинскими медалями въ особенности, поразили всѣхъ участвовавшихъ; въ полкахъ, теперь, на войнѣ нашими солдатами не нахвалятся. Какъ я счастливъ, что могу вамъ все это сообщить.....

«Представьте себѣ, какъ я счастливъ: А. Н. Куропаткинъ у меня начальникомъ штаба».

Въ 1883 году В. Н. Троцкій былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго военнаго округа.—Пробывъ на Кавказѣ 6 лѣтъ, В. Н. всегда съ большимъ удовольствіемъ вспоминалъ службу съ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ.

Съ мѣста начальника штаба Виталій Николаевичъ получилъ назначеніе корпуснымъ командиромъ въ Витебскъ; здѣсь онъ былъ недолго, такъ какъ вскорѣ былъ переведенъ помощникомъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа.

Въ матеріальномъ, однако, отношеніи послѣ Кавказа, какъ мнѣ приходилось слышать отъ Виталія Николаевича, въ Кіевѣ ему приходилось тяжело, и онъ не разъ говорилъ, что Кіевъ, при дороговизнѣ жизни, совершенно подточилъ его матеріальныя средства.

Въ 1895 г. Виталій Николаевичъ былъ назначенъ командующимъ войсками Виленьскаго военнаго округа, и здѣсь при объѣздахъ войскъ ему пришлось больше познакомиться съ особенностями мѣстной жизни.

Вильна городъ своеобразный: и до сихъ поръ носитъ обликъ нерусскаго города, не смотря на величественные православныя храмы,

¹⁾ Письмо Скобелева 14-го августа 1877 г., дни Пинскъ, къ В. Н.

какъ Св. Духовъ монастырь, Свято-Троицкій, Николаевскій соборъ и другіе, и постановку двухъ памятниковъ М. Н. Муравьеву и бюста Пушкина въ скверѣ.

Русское общество здѣсь состоитъ изъ пришлыхъ, постоянно мѣняющихся чиновниковъ; польское же держится особнякомъ. Евреи, какъ и повсемѣстно, живутъ обособленною жизнью.

Какъ командующій войсками округа, охватывающаго девять губерній, Виталій Николаевичъ обратилъ вниманіе на ихъ боевую подготовку. Дѣлательно объѣзжалъ войска, производилъ смотры и особенное вниманіе обратилъ на довольство солдатъ и медицинскую часть. Если солдатъ сытъ и находится въ хорошихъ гигиеническихъ условіяхъ,—отъ него и требовать можно.

Мнѣ не разъ, при поѣздкахъ, приходилось слышать отъ В. Н., что въ продолженіе сорока лѣтъ службы и постоянного общенія съ войсками у него сложился опредѣленный взглядъ на необходимость привѣтливаго, доброжелательнаго отношенія ко всѣмъ служащимъ,—и это лежало въ основаніи его дѣйствій.

— Когда командующій ругаетъ войска,—говаривалъ мнѣ Виталій Николаевичъ,—это послѣднее дѣло. У насъ такъ много начальствъ, стремящихся къ проявленію своей энергіи, что высшему начальству слѣдуетъ прибѣгать къ такимъ средствамъ въ крайнихъ случаяхъ.

За подготовкою войскъ слѣдили особенно сосѣди нѣмцы и нерѣдко указывали на успѣхи, достигнутые обученіемъ войскъ въ краѣ. Работа была проверена на Бѣлостокскихъ маневрахъ 1897 г., гдѣ были сосредоточены двѣ арміи: одна оборонялась, другая изъ Варшавы наступала. При этомъ, какъ передавалъ мнѣ Виталій Николаевичъ, «когда государь обращался ко мнѣ во время маневровъ, я ему рассказывалъ все вполне откровенно и указывалъ на нѣкоторыя упущенія и погрѣшности моей арміи».

Послѣ маневровъ—это было 27-го августа 1897 г., государь благодарилъ Троцкаго за прекрасный порядокъ и пожаловалъ ему званіе генераль-адъютанта.

Осенью этого года Виталій Николаевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ это время ходило много слуховъ о предстоящемъ назначеніи его на разные высокіе административные посты. Слухи оправдались—онъ былъ назначенъ генераль-губернаторомъ Сѣверо-Западнаго края. При представленіи государь спросилъ, знакомится ли онъ съ краемъ. Виталій Николаевичъ отвѣтилъ, что, помимо разныхъ сочиненій, онъ знакомится съ бывшими дѣятелями Сѣверо-Западнаго края И. П. Корниловымъ и друг., отъ которыхъ получаетъ полезныя указанія и т. п.

Вступая въ управленіе этою своеобразною окраиною, Виталій Николаевичъ многого не зналъ; какъ честная натура, онъ не претендовалъ на это, сознавая, что при занятіяхъ это придетъ само собою.

Свою программу онъ ясно выразилъ въ простыхъ, вылившихся у него словахъ при пріемѣ чиновъ въ Вильнѣ.

Способъ же осуществленія программы выработался при дальнѣйшемъ изученія края и его особенностей, не только путемъ докладовъ и бумагъ, но разговоровъ и совѣщаній съ помѣщиками, посылкою по краю чиновниковъ особыхъ порученій для разслѣдованія по разнымъ дѣламъ и, наконецъ, личныхъ объѣздовъ края. За періодъ, протекшій со времени смерти г. губернатора Оржевскаго произошелъ эпизодъ, вызванный ксензомъ Рымейко въ Шавляхъ, послужившій толчкомъ ко многимъ правонарушеніямъ со стороны католическаго духовенства и доставившій не мало неприятныхъ дней Виталію Николаевичу.

Если вообще трудно представить очеркъ дѣятельности мѣстнаго дѣятеля, какъ охватывающій массу мелочныхъ будничныхъ случаевъ и явленій, то тѣмъ труднѣе сдѣлать это мнѣ, какъ ближайшему сотруднику по гражданской части покойнаго Виталія Николаевича, и при томъ говорить о томъ, что было такъ недавно. Поэтому я ограничусь исключительно краткимъ указаніемъ началъ, которыми руководился генералъ-губернаторъ.

Вскорѣ послѣ назначенія Виталія Николаевича генералъ-губернаторомъ, я задалъ ему вопросъ—о программѣ.

Какъ человекъ честный и умный, никогда не стыдившійся признаться въ томъ, чего онъ не знаетъ, Виталій Николаевичъ отвѣтилъ: «когда я откланялся государю, ему было угодно мнѣ сказать: «Я желаю чтобы въ краѣ было хорошо», и въ настоящее время знакомься съ краемъ и его исторіей; необходимо выработать, какъ подойти къ осуществленію этой мысли.—Это дѣло наше».

Сѣверо-Западный край издревле край русскій, на что указываетъ и этнографическій его составъ, его населеніе: бѣлоруссы, малоруссы составляютъ значительный процентъ мѣстнаго населенія. Высшее сословіе нынѣ католической вѣры, было православное, и оно создало въ краѣ храмы, монастыри (напр. Супрасльскую обитель).

Съ введеніемъ уни, постепенно совершился процессъ перехода родовитыхъ семействъ въ католичество. Быть можетъ, отчасти въ этомъ кроется причина той религіозной страстности и нетерпимости, которую обнаруживаютъ мѣстные католики. Среди низшихъ слоевъ, благодаря преобладанію среди нихъ религіозныхъ интересовъ, и до сихъ поръ идетъ борьба о преимуществѣ православной и католической вѣры, нерѣдко обостряемая нетерпимымъ по его требованіямъ католическимъ духовенствомъ.

Дворянство и духовенство проходятъ одну и ту же школу, а кошель объединяетъ всѣхъ, и сама религія пріобрѣтаетъ политическій характеръ. Несомнѣнно, это кладетъ особый отпечатокъ на всѣ отношенія мѣстнаго населенія къ русской власти въ краѣ. Отсюда стрем-

леніе католиковъ поддержать престижъ костела, какъ внѣшняго символа Польши, и характерною чертою населенія являются нерѣдко крупные взносы католиковъ на постройку костеловъ, перестраиваемыхъ отчасти подъ сильнымъ воздѣйствіемъ ксендзовъ.

Въ духовно-религіозной области преобладаетъ католическое духовенство и, вѣрное католическимъ традиціямъ, не упускаетъ власти изъ своихъ рукъ и принимаетъ всѣ мѣры къ удержанію вліянія на народъ и, разумѣется, при религіозности населенія, оно оказываетъ сильное вліяніе на крестьянъ католическаго вѣроисповѣданія.

Независимо отъ польской, въ послѣднія пятнадцать лѣтъ выросла новая политическая партія, во главѣ которой идутъ молодые литовцы, добивающіеся мирнымъ путемъ укрѣпленія литовскаго національнаго самосознанія. Сила и значеніе этой партіи заключается въ стремленіи къ упроченію литовскаго языка. Евреи занимаютъ въ краѣ свое особое положеніе; какъ извѣстно, они, по ихъ симпатіямъ, склоняются къ русскимъ, и это понятно; при преобладаніи русской власти они несравненно легче чувствуютъ себя съ русскими, чѣмъ съ другими національностями, и этимъ объясняется охотное усвоеніе ими внѣшней русской культуры и языка.

Этимъ основнымъ группамъ населенія Сѣверо-Западнаго края, изъ коихъ каждая имѣетъ свою исторію, національность, религію и сѣмѣла за потерей политической самостоятельности захватить соотвѣтствующее мѣсто въ области экономической жизни, мы долгое время противопоставляли наше чиновничество и только начиная съ гр. М. Н. Муравьева русскую школу, какъ вносящую русскую культуру, и затѣмъ, пока небольшую, группу русскихъ землевладѣльцевъ.

Замѣчательно, послѣ сильнаго подъема польскаго національнаго самосознанія, благодаря дѣятельности попечителя Виленскаго округа, бывшаго въ то же время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартырыйскаго, сѣмѣлваго дать Виленскому университету выдающихся руководителей, какъ Янъ Снядецкій и др., до эпохи гр. Муравьева мы боролись въ этомъ краѣ исключительно узко-полицейскими мѣрами. Предполагая упрочить русское земледѣліе, съ 1830 по 1863 г. создали два маіората и этимъ ограничили мѣры по водворенію русскаго землевладѣнія! Полезности экономическо-культурныхъ мѣръ въ то время не создавали — послѣдствія непримѣненія ихъ сказываются во всемъ складѣ жизни и по настоящее время.

Не смотря на медленный неувѣренный ходъ краевой политики, не смотря на постоянныя колебанія и отклоненія отъ принятыхъ началъ, въ краѣ достигнуты нѣкоторые успѣхи, въ смыслѣ упроченія русскаго вліянія. Увлекаться этимъ нельзя — на-ряду упрочивается и противоположное вліяніе другихъ національностей.

Вотъ тѣ условія, при которыхъ приходится дѣйствовать въ краѣ.

Несомнѣнно, за протекшій съ 1863 г. періодъ успѣхи, въ смыслѣ укрѣпленія въ краѣ русской народности, сдѣланы, хотя и не соотвѣтственны затраченнымъ усиліямъ. Какъ и во всѣхъ отрасляхъ управленія, нѣтъ традицій, и потому каждому дѣятелю приходится вырабатывать на установившейся основѣ свою программу, упуская изъ виду дѣятельность его предшественниковъ.

Задача cadaго государственнаго дѣятеля заключается въ стремленіи къ объединенію, сближенію національностей на культурно-экономической почвѣ населенія, тѣсно прикрѣпленнаго къ Россіи политически. И, разумѣется, та система и можетъ достигнуть прочныхъ успѣховъ, въ основѣ которой положена такая здоровая, нормальная мысль.

Средствомъ достиженія—улучшеніе экономическаго положенія мѣстнаго населенія и проведеніе улучшеній въ мѣстную администрацію; содѣйствіе къ упроченію учреждений, связывающихъ русскихъ, и облегченія къ упроченію русскаго элемента въ экономической области. Русская школа, русскій языкъ и культура, — вотъ основанія нашей политики, при условіи соблюденія строжайшей законности и справедливости по отношенію къ мѣстному населенію.

Въ этихъ видахъ генераль-губернаторомъ было обращено вниманіе на дѣятельность мировыхъ посредниковъ, какъ должностныхъ лицъ, наиболее близко стоящихъ къ крестьянскому дѣлу. Такое вниманіе къ ихъ дѣятельности имѣло тѣмъ болѣе основаній, что по доходившимъ свѣдѣніямъ ихъ дѣятельность особою настойчивостью и усердіемъ не отличалась. Высказавъ свои взгляды въ циркулярахъ, генераль-губернаторъ, по прошествіи нѣкотораго времени, сталъ посылать по краю чиновниковъ особыхъ порученій для знакомства на мѣстѣ съ разными сторонами ихъ дѣятельности и для выясненія, въ какой степени и какъ проводятся высказанныя имъ правила въ его циркулярахъ. Съ этого началась большая внутренняя мало замѣтная для постороннихъ работа, непрерывно тянувшаяся до его смерти, и она осталась не безполезною для мѣстнаго населенія и была отмѣчена польскою заграничною печатью. Особенное вниманіе обращалось на аграрныя отношенія крестьянъ.

Другое больное мѣсто края, мѣщанскія управы, — доставили много работы. Онѣ нуждаются въ большемъ надзорѣ, и едва-ли этотъ видъ самоуправляющаго общества не подлежитъ серьезной реформѣ. Въ видахъ обнаруживаемыхъ безпорядковъ въ управленіи ихъ генераль-губернаторъ постоянно посылалъ на ревизію и если не много было сдѣлано, то не его вина—причины лежатъ глубже.

Петръ Великій сказалъ: полиція душа гражданственности. И дѣйствительно задачи администраціи, съ усложненіемъ современной жизни, сдѣлались гораздо шире и ея дѣйствія направляются къ подъему народнаго

благосостоянія, которое зависитъ не только отъ личныхъ условій каждаго, но и отъ общественныхъ условій, въ извѣстной степени, создаваемыхъ мѣстною администраціею. Съ этою цѣлью было обращено вниманіе на борьбу съ конокрадствомъ, сильно подтачивающимъ благосостояніе крестьянъ, и на устройство и улучшеніе крестьянскихъ кредитныхъ учреждений. Въ волостныхъ кассахъ находилось около $\frac{1}{2}$ милл. р. частью разобранныхъ, частью помѣщенныхъ въ $\frac{1}{2}$ бумажъ, слѣдовательно, совершенно не выполнившихъ той роли, ради которой были основаны кассы; между тѣмъ населеніе нуждается въ кредитѣ, потому было обращено вниманіе на приведеніе ихъ въ должный видъ; приняты мѣры къ сгражденію населенія отъ поборовъ, и т. д.

Не касаясь другихъ мѣръ, имѣющихъ узко мѣстное значеніе, необходимо указать, что намѣченныя цѣли могутъ быть наилучше осуществлены при подборѣ не только честныхъ, но и образованныхъ лицъ, и при упроченіи ихъ положенія путемъ уничтоженія фаворитизма въ назначеніяхъ.

Если подборъ хорошаго состава служащихъ и выполненіе при нихъ содѣйствій мѣръ, направляемыхъ къ народному благу, составляетъ задачу правительственной политики въ краѣ, то другую сторону составляетъ проведеніе культурныхъ мѣръ, направленное къ мирному, спокойному воспитанію народа въ школахъ, и привлеченіе мѣстныхъ дѣятелей къ объединенію на почвѣ культуры. На эту сторону В. Н. было обращено особенное вниманіе. Были принимаемы всевозможныя мѣры путемъ посѣщеній школъ, сношеній съ попечителемъ учебнаго округа, съ католическимъ духовенствомъ и т. п., къ постановкѣ русской школы на подбавшую высоту. Высказывалось стремленіе воспользоваться тою культурною силою, которую представляетъ нашъ педагогическій персоналъ и т. д.

Вообще Виталій Николаевичъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы съ достоинствомъ безъ насилія сдѣлать все, что клонится къ культурному преуспѣянію русскихъ въ краѣ. Всецѣло ему принадлежитъ починъ постановки памятника великому Пушкину въ Вильнѣ¹⁾, устройство Муравьевскаго музея. На обѣдѣ по поводу открытія памятника М. Н. Муравьеву, онъ официально поднялъ вопросъ о постановкѣ въ Вильнѣ памятника Екатеринѣ Великой, какъ виновницѣ возвращенія русскихъ областей и, послѣ доклада государю, пригласилъ извѣстнаго художника Антокольскаго (виленскаго уроженца) составить проектъ, и это была послѣдняя крупная работа Антокольскаго. Ею, какъ онъ и предчувствовалъ, завершилось его художественное творчество.

Заслуга Виталія Николаевича заключается въ мирномъ, спокойномъ веденіи необходимыхъ мѣръ, не прибѣгая къ рѣзкимъ ограниченіямъ,

¹⁾ Дѣдъ А. С. Пушкина, арабъ Ганнибалъ, былъ крещенъ въ Вильнѣ въ Пятницкой церкви.

а стоя на почвѣ закона. Въ настоящее время о многихъ мѣрахъ не удобно говорить—это было такъ недавно. По мѣрѣ силъ Виталій Николаевичъ горячо преслѣдовалъ достиженіе культурно-экономическихъ задачъ — эта почва, на которой только и мыслимо объединеніе разнородныхъ элементовъ, политически крѣпко связанныхъ съ общимъ нашимъ отечествомъ; неумолимая смерть пресѣкла его дѣятельность именно въ тотъ моментъ, когда болѣе опредѣленно выяснились цѣли, выработаны средства и были намѣчены болѣе широко задачи для будущаго.

Работать съ Виталіемъ Николаевичемъ было очень пріятно. Не ограничиваясь установленнымъ для докладовъ временемъ, онъ не стѣснялъ и принималъ по дѣламъ во всякое время. Нерѣдко приходилось приносить массу докладовъ по вечерамъ, по возвращеніи его изъ поѣздокъ по военному округу, и онъ никогда не выказывалъ ни малѣйшаго неудовольствія, хотя чувствовалъ страшную усталость. Находясь въ общеніи съ такими людьми, какъ К. П. фонъ Кауфманъ, князь Дондуковъ-Корсаковъ и др., онъ научился отличать мишуру и не разъ мнѣ говорилъ:

— Я всегда готовъ уйти. У меня на глазахъ былъ примѣръ К. П. Кауфмана, передававшего, какъ и почему его убрали изъ Вильны.

Въ управленіи держался строго опредѣленныхъ началъ, которыя могутъ быть сведены къ слѣдующей формулѣ: успѣхъ русскаго дѣла достижимъ, когда администрація будетъ держаться законности въ дѣйствіяхъ и при проведеніи въ жизнь культурно-экономическихъ началъ.

Доброта Троцкаго была большая; онъ готовъ былъ просить и хлопотать за людей даже мало знакомыхъ. Ему не разъ приходилось писать письма къ разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ, особенно С. Ю. Витте, всегда съ глубокимъ вниманіемъ относившемуся къ его просьбамъ. Помощь оказывалъ онъ и изъ экстраординарныхъ суммъ, но разумно: давалъ на образованіе и затѣмъ на предпріятія русскаго характера (братства, церкви, благотворительныя общества и пр.).

Виталій Николаевичъ былъ цѣльный характеръ, выработанный въ суровой школѣ стараго корпуса, а затѣмъ жизнь, проведенная въ провинціи, гдѣ гораздо легче прослѣдить достоинство и недостатки каждаго, развила въ немъ осторожность, наблюдательность и распознаваніе людей, и ту простоту въ обращеніи, которая плѣняла всѣхъ сталкивавшихся съ нимъ. Онъ былъ одинаковъ и съ высшими и съ низшими.

Отвѣтственная работа, добросовѣстное отношеніе къ исполненію лежащихъ обязательствъ подорвала крѣпкій организмъ Виталія Николаевича. Не думалось, что смерть такъ близка, когда онъ въ апрѣлѣ 1901 г. поѣхалъ дѣлать смотры войскъ въ Сувалкскую и осмотрѣть учрежденія въ Гродненской губерніи. Онъ—неутомимый, жаловался на какую-то усталость. По возвращеніи въ Вильну, онъ заболѣлъ, а 9-го мая умеръ этотъ умный, спокойный, доброжелательный и полезный государственный дѣятель.

В. Т. Судейкинъ.